

в последующую эпоху нашей литературы. Отсюда — свободное отношение к традиционным приемам творчества, такое же отношение к источнику и его содержанию. В связи с этим стоит и реализм (преимущественно бытового характера), местный колорит Повести. Взгляд на свое литературное произведение автор готов считать тождественным со взглядом на «мирское» устное произведение, свободно пользуясь изобразительными средствами и техникой устной сказки. Все это позволяет сделать попытку подойти к той социальной среде, где могло сложиться, стать обычным подобное отношение к задачам книжного творчества: цель его — доставить удовольствие, развлечение, цель — эстетическая. Такие литературные вкусы, скорее всего, могли иметь место в среде низших и средних классов русского грамотного общества XVII в., где требования важной, учительно-церковной письменности не оказывали своего влияния в полной мере, как то видим в высших слоях грамотного общества, смотревшего на себя, как на выразителя подлинного, настоящего, правильного направления общественной мысли. Повидимому, повести, подобные нашей, создавались и циркулировали в городской среде низших служилых и торговых и, быть может, даже грамотных крестьянских слоев: в них, при отсутствии тяготения к важной серьезной литературе (а, возможно, и при недостаточном уже знакомстве с этой литературой), в то же время литературные интересы, потребность в их удовлетворении — налицо; с другой стороны, при отсутствии ригористичности, которую можно отметить в литературе высших классов по отношению к «мирской» словесности, в этой среде несомненно следует признать интерес и знакомство с этой «мирской», в частности устной словесностью, почему, напр., в сборниках, врацавшихся и вышедших из этой среды, в XVII в. мы встречаемся с первыми записями произведений этой устной словесности или с близкими их подражаниями, пересказами.¹ Таким образом в мирозерцании и литературных вкусах

¹ Можно сделать попытку и ближе подойти к той среде, в которой врацалась наша и подобные ей повести, присмотревшись к самым рукописям, в которых они встретились, к их составу. Наша Повесть, как было упомянуто, идет из расплетенного на несколько отдельных рукописей большого сборника; до некоторой степени, руководясь палеографическими данными, можно восстановить этот сборник: А. Е. Викторов в своем описании рукописей В. М. Ундольского дает для этого материал, именно, указав, что части этого сборника находятся в том же собрании под №№: 620, 705, 736, 915, 947, 942, 943, 919, 930, 923 (см. стр. 46; № 676, внесенный сюда же, внесен по ошибке). В целом своем виде он, как видно из записи, принадлежал известному Кариону Истомину, писателю второй половины XVII в., священнику и монаху Чудова мон. в Москве: он это собрание «историюв» подарил монашенке московского же Вознесенского монастыря Любови Степановой. В состав этого сборника входили разнообразные статьи, бывшие, повидимому, ходовым чтением в половине XVII в.; эта пестрота состава сборника довольно характерна для четвѐй литературы этого переходного